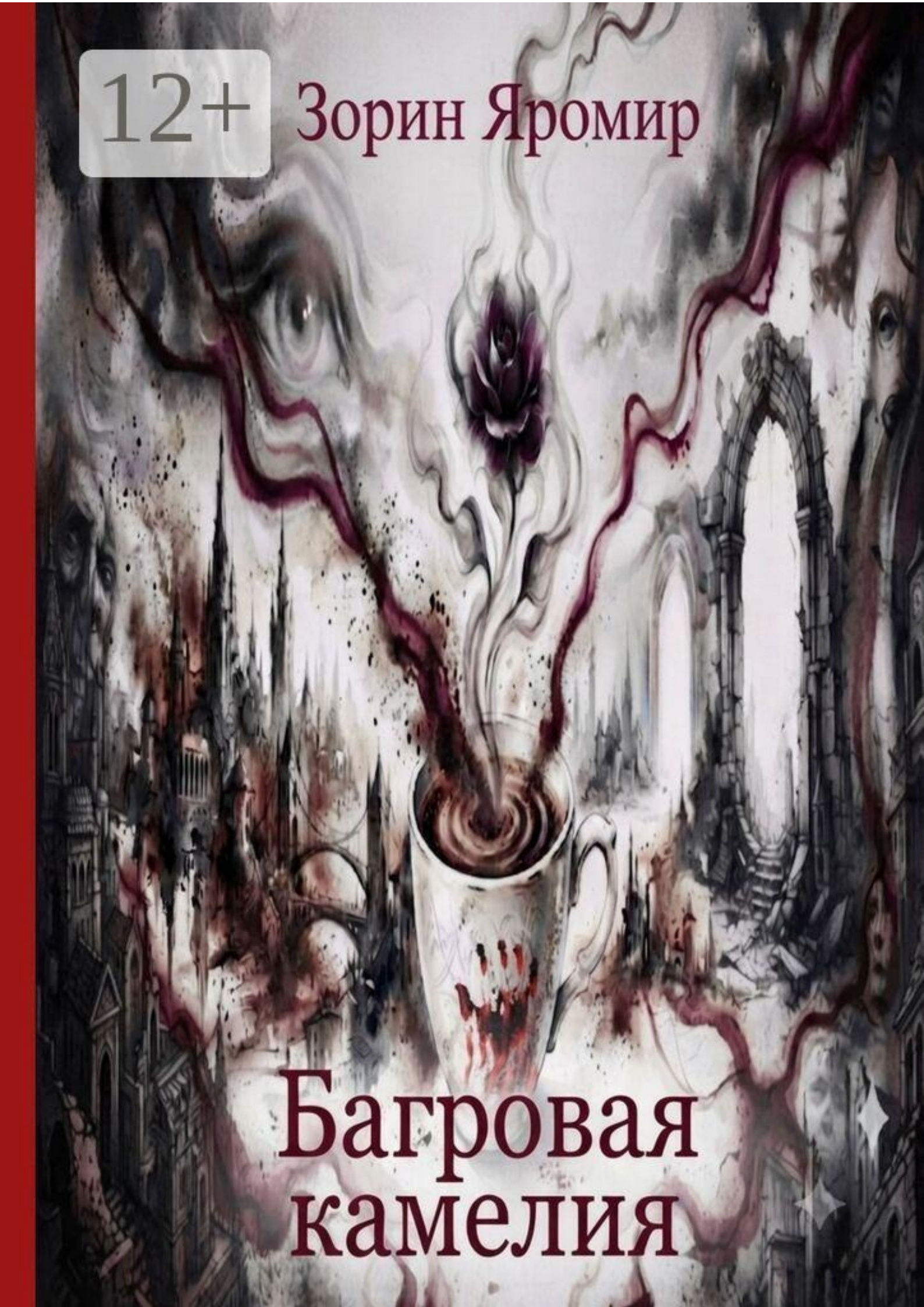

12+

Зорин Яромир

Багровая камелия

Яромир Зорин

Багровая камелия

«Издательские решения»

Зорин Я.

Багровая камелия / Я. Зорин — «Издательские решения»,

Слышали ли вы о «Багровой Камелии»? Говорят, это лучшая кофейня в городе. Но те, кто заходят туда, редко остаются прежними. Одни ищут способ забыть невыносимое прошлое, другие — обрести истину, спрятанную в густой кремовой пенке эспрессо. Тадас, обычный парень, который просто хотел найти работу, оказывается втянут в механизм, работающий на грани реальности и кошмара.

© Зорин Я.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
1	7
Липкое объявление	8
2	10
Шепот в чашке	11
3	13
Тень в отражении	14
4	16
Зеркало, которое не отражает	17
5	19
Рассвет в пустоте	20
6	22
Цена забвения	23
7	25
Эхо последней чашки	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Багровая камелия

Яромир Зорин

© Яромир Зорин, 2026

ISBN 978-5-0070-7891-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Шагните за порог «Багровой Камелии» — если, конечно, вы готовы к тому,
что обратного пути не существует*

Часть 1

1

Липкое объявление

Город задышался в духоте августовской ночи. Тадас стоял под тусклым светом фонаря, глядя на облезшую кирпичную стену переулка, когда его взгляд зацепился за клочок бумаги. Это было странно: среди рекламных листовок о распродажах и объявлений о пропаже кошек этот лист выглядел пугающе новым, будто его только что приклеили, несмотря на начавшийся дождь.

Бумага была плотной, кремового цвета, с неровными, рваными краями. Текст был напечатан густым, багровым шрифтом, который в полумраке казался влажным.

«Слышали ли вы о лучшей кофейной лавке „Багровая Камелия“? Мы ищем того, кто умеет слушать тишину между звуками. Тадасу — вход открыт».

Тадас почувствовал, как по позвоночнику пробежал неприятный холодок. Откуда они узнали его имя? Он огляделся, но улица была пуста. Лишь редкие капли дождя глухо стучали по асфальту. Он хотел было уйти, но рука сама потянулась к листку. Когда пальцы коснулись багровых букв, он вздрогнул — краска была теплой, словно кожа живого существа.

Он шел по памяти, хотя не помнил, чтобы когда-либо видел «Багровую Камелию» раньше. Ноги словно несли его сами, минуя знакомые перекрестки, туда, где город сменялся серыми, безликими постройками.

Наконец, в конце тупика он увидел её. Кофейня стояла особняком, словно вырезанная из другого времени. Витрины были завешены тяжелыми бархатными шторами, а из-за двери просачивался свет — болезненно-желтый, как гной. В воздухе стоял странный аромат: не просто обжаренные зерна, а что-то сладкое, приторное, перекрывающее запах сырого бетона.

Тадас толкнул дверь. Она поддалась с тихим, почти человеческим стоном.

Внутри было пусто, но не безжизненно. За барной стойкой, вырезанной из темного дерева, стояла женщина. Ее кожа казалась неестественно бледной, почти фарфоровой, а глаза — бездонные, угольно-черные — были устремлены точно на него.

— Тадас, — произнесла она, и ее голос прозвучал так, будто в комнате одновременно зазвенели десятки хрустальных бокалов. — Мы ждали, когда ты прочтешь приглашение.

Она не спросила, пришел ли он устраиваться на работу. Она не спросила, как он ее нашел. Она просто положила перед ним фартук — тяжелый, с пятнами, которые невозможно было отстирать, и который пах так, будто в нем пропитывались чьи-то последние вздохи.

— Кофейной стали интересоваться полицейские, — тихо добавила она, не сводя с него взгляда. — Нам нужен тот, кто будет смотреть на них с другой стороны стойки. Ты ведь хочешь знать, что не так с этой кофейней?

Тадас хотел развернуться и бежать. Он хотел кричать, что это ошибка, что он обычный студент, что ему просто нужны деньги на аренду. Но вместо этого он молча надел фартук. Его пальцы коснулись холодной ткани, и в тот же миг он почувствовал, как тишина внутри заведения стала давить на уши, вытесняя все мысли, кроме одной: здесь он найдет ответы, даже если цена их будет невыносимой.

Снаружи, в дождевой мгле, мимо кофейни проехал патрульный автомобиль. Полицейский за рулем на мгновение замедлил ход, его взгляд на долю секунды задержался на окнах «Багровой Камелии», прежде чем он поспешно вдавил педаль газа, словно испугавшись увиденного в отражении стекла.

Тадас взял чашку. Она была ледяной. И в этот момент он понял, что дверь за его спиной заперлась сама собой, навсегда отрезая его от прежней жизни.

2

Шепот в чашке

Смена тянулась не часами — она растягивалась в бесконечность, где время теряло всякий смысл. В «Багровой Камелии» не было часов, и Тадас быстро понял, почему: здесь они были бы бесполезны. Стрелки, вероятно, просто крутились бы в обратную сторону или замирали, парализованные вязким воздухом помещения.

Элиза не учила его варить кофе в привычном понимании. Она лишь изредка касалась его плеча, когда он брал турку, и тогда его рука начинала двигаться сама — с пугающей, механической точностью.

— Не смотри на зерна, Тадас, — шептала она, стоя за его спиной так близко, что холод ее дыхания пробирал до костей. — Смотри на то, что они впитали.

Первый посетитель вошел, когда часы, которых не было в зале, пробили нечто, отдаленно напоминающее полночь. Это был высокий мужчина в помятом плаще. Он сел за самый дальний столик, утопая в тени. Он не сделал заказ, но Тадас уже знал, что нужно приготовить. Его руки, будто чужие, достали из-под стойки глубокую чашку с изображением увядающего цветка.

Когда Тадас поставил напиток перед посетителем, тот поднял взгляд. Его глаза были мутными, как застывшее стекло, а кожа на лице — серой и дряблой. Мужчина поднес чашку к губам, и по залу разнесся звук, который Тадас запомнит на всю жизнь: это был не глоток, а жадное, булькающее всасывание, словно человек пил не кофе, а пытался выкачать жизнь из самой керамики.

— Еще, — прохрипел клиент, когда чашка опустела.

Тадас обернулся к стойке. Элиза улыбалась, наблюдая за этим процессом с выражением материнской нежности. В этот момент в дверь снова позвонили. Колокольчик над входом издал не звон, а приглушенный звук удара металла о кость.

На пороге стояли двое. Полицейские. Их форма казалась слишком яркой и неуместной в этом полумраке, а жетоны на груди сверкали, как холодное оружие. Один из них, старший, с глубокой складкой между бровей, окинул зал цепким взглядом.

— Вечер добрый, — сказал полицейский, его голос эхом отозвался от высоких потолков. — Мы уже заходили на этой неделе, верно? Опять жалобы на шум. Соседи утверждают, что слышат здесь... плач.

Тадас почувствовал, как сердце ушло в пятки. Он стоял за стойкой, сжимая в руках кухонное полотенце, и молился, чтобы его трясущиеся руки не выдали его.

— Мы просто любим музыку, офицер, — голос Элизы прозвучал мягко, почти бархатно. Она вышла из тени, и полицейский на мгновение замер, словно забыв, зачем пришел. — Разве кофе с хорошей музыкой — это преступление?

Тадас бросил взгляд на клиента в углу. Тот больше не двигался. Он сидел, низко опустив голову, а из чашки, стоящей перед ним, тонкой струйкой поднимался пар — густой, почти черный. Тадасу показалось, что он видит в этом паре искаженные человеческие лица.

— Мы следим за вами, — сказал второй полицейский, не сводя глаз с Тадаса. — В этом районе участились исчезновения. Люди заходят сюда... и их словно стирают с лица земли.

— Это очень грустно, — ответила Элиза, и в ее голосе впервые послышались нотки искренней, леденящей душу радости. — Но мир — опасное место, не так ли?

Полицейские ушли, но чувство тревоги не покинуло зал. Тадас понял, что они не просто проверяли кофейню. Они искали ответы на вопросы, которые он сам боялся задать. Когда дверь закрылась, Элиза подошла к Тадасу и положила свою ледяную ладонь на его руку.

— Ты видел, как они смотрели на тебя? — прошептала она. — Они чувствуют, что ты теперь часть нашего рецепта. Ты ведь уже не хочешь уходить, не так ли?

Тадас хотел сказать «да», но с его губ сорвался лишь тихий, согласный вздох. Он посмотрел на свои руки: они были перепачканы в черном кофейном порошке, который странным образом напоминал пепел.

3

Тень в отражении

Следующие несколько дней превратились в сюрреалистическую пытку. Тадас больше не чувствовал голода, жажды или усталости — его потребности словно были «отключены» самой кофейней. Зато он начал слышать мысли посетителей. Это не были слова; скорее, это были обрывки чужих воспоминаний: запах детской площадки после дождя, страх перед экзаменом, горечь предательства — все это перемешивалось с ароматом свежемолотых зерен и вливалось в его сознание при каждом приготовленном заказе.

Элиза стала требовательнее. Она начала оставлять Тадаса одного в подвале на долгие часы, давая ему лишь одно задание: «подготовить ингредиенты».

Подвал «Багровой Камелии» не был похож на склад. Это было место, где время словно застудило. Стены здесь были покрыты слоем странного, липкого налета, который пульсировал в такт его собственному сердцебиению. В центре стояла тяжелая, чугунная кофемолка, работавшая не от электричества, а от системы старинных цепей и шестеренок, уходящих глубоко в фундамент здания.

Однажды, когда Тадас в очередной раз тянул за рукоять, механизм заклинило. Из бункера для зерна посыпалось что-то, что заставило его отпрянуть. Вперемешку с зернами наружу выпал маленький, потемневший от времени серебряный кулон. Тадас поднял его дрожащими пальцами. Внутри была фотография — та самая девушка с объявления о пропаже, которое он видел в паре кварталов отсюда. Она улыбалась, глядя на него с кулона так, словно хотела о чем-то предупредить.

— Ты нашел это, — голос Элизы прозвучал прямо над ухом, хотя он не слышал, как она вошла.

Тадас обернулся. В тусклом свете лампы ее лицо выглядело иначе — кожа казалась тонкой, как пергамент, сквозь который просвечивало что-то темное и шевелящееся.

— Она была одной из наших лучших... клиенток, — произнесла Элиза, медленно обходя его кругом. — Она не просто пила кофе, Тадас. Она стала его частью. Как и все, кто не может найти выход из этого города.

Тадас почувствовал, как внутри него начинает закипать отчаяние, переходящее в холодную ярость. Он вспомнил полицейских. Он вспомнил, как их глаза блуждали по залу, не в силах зацепиться за реальность. Если он не сделает что-то сейчас, он станет следующим «ингредиентом».

Вечером того же дня, когда колокольчик снова возвестил о приходе полицейских, Тадас решился. Пока Элиза отвлеклась на приготовление заказа для странного, закутанного в лохмотья старика, Тадас подошел к стойке. Он сделал вид, что протирает ее, и когда один из офицеров — тот самый, с глубокой складкой на лбу — наклонился, чтобы заказать кофе, Тадас быстро, едва заметным движением, сунул ему в руку кулон.

Полицейский вздрогнул. Его пальцы сомкнулись на холодном металле. Он посмотрел на Тадаса — впервые за все время в его взгляде не было пустоты, лишь искра узнавания и ужас.

— Уходите, — прошептал Тадас, едва шевеля губами. — Уходите и не возвращайтесь... пока я не подам знак.

Элиза в этот момент замерла. Она медленно повернула голову в сторону Тадаса. Ее глаза, обычно угольно-черные, внезапно полыхнули багровым цветом. Она ничего не сказала, но в зале вдруг стало невыносимо холодно, а свет начал мигать, словно кофейня пыталась выплюнуть из себя реальный мир.

Полицейские попятились к выходу, крепко сжимая кулон. Тадас стоял за стойкой, понимая: он только что объявил войну хозяйке этого места. И он понятия не имел, как пережить ночь.

4

Зеркало, которое не отражает

После того как полицейские покинули кофейню, воздух в зале стал плотным, как кисель. Тадас стоял за стойкой, чувствуя, как стены начинают медленно сжиматься, словно здание «Багровой Камелии» было живым существом, переваривающим пищу.

Элиза не кричала. Она не угрожала. Она просто стояла в центре зала, и с каждым ее вдохом тени в углах комнаты начинали отделяться от стен. Они тянулись к полу, принимая очертания высоких, тонких фигур без лиц. Это были не призраки в обычном понимании — это были *отголоски*. Те, кто когда-то выпил последний кофе из рук предыдущих помощников, навсегда оставшись пленниками этого места.

— Ты совершил глупую ошибку, Тадас, — голос Элизы доносился отовсюду: из-под половиц, из глубины кофемашины, из холодного пара, поднимающегося от чашек. — Они не спасут тебя. Они лишь придут за добавкой.

Тадас почувствовал, как его отражение в большом настенном зеркале за стойкой вдруг начало жить собственной жизнью. В то время как он застыл в ужасе, его двойник в зеркале медленно опустил руки и начал срывать с себя одежду, обнажая кожу, на которой проступали черные, пульсирующие письмена. Двойник улыбнулся, и эта улыбка была шире, чем у человека.

— Смотри, — прошептала Элиза, указывая на зеркало. — Это то, чем ты станешь к рассвету. Твое тело останется здесь, но твоя душа станет топливом для вечного огня «Камелии».

Вдруг в кофейне погас свет. Но вместо темноты зал наполнился фосфоресцирующим, болезненно-зеленым сиянием. Тадас увидел, как по полу начали расползаться корни — настоящие, древесные, пробивающиеся сквозь доски. Они оплели стойку, обвились вокруг его ног, сковывая движения. В их плетении он узнал узоры камелий, но лепестки этих цветов были сделаны из человеческих ногтей.

Тадас инстинктивно схватил первую попавшуюся чашку и швырнул ее в зеркало. Осколки разлетелись с оглушительным звоном, но вместо того чтобы упасть на пол, они зависли в воздухе, вращаясь вокруг него, как лезвия. В каждом осколке он видел разные моменты своей жизни, которые стремительно угасали: его детство, лицо матери, день переезда в этот город — всё это превращалось в пепел.

Элиза сделала шаг вперед, и пол под ее ногами превратился в черную воду, в которой отражалось не небо, а бездна, полная звезд, которые никогда не светили для живых.

— Ты пытаешься бороться с порядком вещей, — сказала она, и ее облик начал меняться. Она стала выше, ее руки удлинились, пальцы превратились в тонкие, острые иглы. — Но кофе уже заварен, Тадас. И его нужно подать.

В этот момент за дверью раздался звук, который не должен был прозвучать здесь — громкий, требовательный стук в дверь и крик детектива Маркуса: «Открывайте! Полиция!».

Стук подействовал на кофейню странно: стены содрогнулись, корни на полу дернулись и на мгновение ослабили хватку. Тадас понял: полиция не просто пришла, они принесли с собой частицу реального мира, которая была как яд для этой мистической тюрьмы. Он рванул к выходу, но перед дверью возникла тень — высокая, безликая фигура, преградившая ему путь.

— Выбирай, — прошептала тень голосом, в котором он узнал голос той девушки с кулона. — Остаться здесь и стать вечностью, или выйти наружу и стать ничем.

Тадас зажмурился и прыгнул прямо в пустоту, где должна была быть дверь, не зная, окажется ли он на освещенной улице или в бездне подвальных чертогов.

5

Рассвет в пустоте

Тадас совершил прыжок, ожидая удара о твердый бетон или падения в бесконечную бездну, но вместо этого он почувствовал резкий, колющий холод, пронзивший всё его тело. Секунду спустя он с глухим стуком ударился о мокрый асфальт.

Он был снаружи.

Дождь лил как из ведра, смывая с его лица липкую, черную кофейную гущу. Тадас тяжело дышал, пытаясь осознать, что произошло. Кофейня исчезла. На том месте, где еще минуту назад стояло зловещее здание, была лишь обшарпанная кирпичная стена старого склада, покрытая мхом и граффити.

Рядом стоял детектив Маркус. Его лицо было бледным, а руки дрожали, когда он пытался убрать табельное оружие в кобуру.

— Где она? — прохрипел Тадас, поднимаясь на локтях. — Где Элиза?

Маркус посмотрел на него с нескрываемым ужасом. — О чем ты говоришь, парень? Мы получили твой сигнал, приехали сюда... но здесь ничего не было. Только ты. Ты лежал один посреди тупика, бормотал что-то про «багровый вкус» и пытался выцарапать себе глаза.

Тадас замер. Его сердце пропустило удар. Он посмотрел на свои руки — они были чистыми. Никаких пятен от «кофейного порошка», никаких следов крови или магии. Но в кармане его куртки что-то тяжело оттянуло ткань. Он медленно опустил туда руку и вытащил серебряный кулон той самой пропавшей девушки.

Маркус ахнул, отпрянув назад. — Откуда у тебя это? Эта вещь была в вещдоках по делу об исчезновении три года назад. Она лежала в сейфе в участке под замком.

Тадас сжал кулон в ладони. Он понял страшную истину: «Багровая Камелия» не была местом на карте. Это был паразит, который питался реальностью, переплетаясь с ней, и теперь, когда он вырвался, часть этого кошмара перешла с ним в нормальный мир.

— Она не ушла, — прошептал Тадас, глядя в пустую темноту переулка. — Она просто меняет форму.

Детектив попытался схватить его за плечо, но в этот момент уличный фонарь над ними мигнул и погас. В наступившей тишине, перекрывая шум дождя, отчетливо послышался звук — тихий, мелодичный звон колокольчика, который обычно висит над дверью кофейни.

Тадас медленно повернул голову. В десяти метрах от них, прямо из пустого воздуха, начала проступать вывеска. Она не была прибита к стене, она просто висела в пространстве, мерцая багровым светом. А из-за невидимой двери, которая возникла там, где секунду назад была глухая стена, потянулся густой, одурманивающий аромат свежесобжаренных зерен, смешанный с запахом чего-то гниющего.

— Добро пожаловать, Тадас, — раздался шепот Элизы, исходящий, казалось, из самой глубины его собственного сознания. — Ты думал, что можно просто выйти, не допив свою чашку?

Тадас понял: он не сбежал. Он стал проводником. Теперь «Багровая Камелия» будет следовать за ним всюду, превращая его жизнь в бесконечную, мучительную смену, из которой нет выхода.

Он поднялся, его взгляд стал пустым и мутным, как у тех посетителей, которых он обслуживал. Он посмотрел на Маркуса, и детектив увидел в глазах парня отражение багровой бездны.

— Приветствую, — проговорил Тадас, и его голос звучал как эхо. — Чего желаете: крепкий эспрессо с привкусом тоски или что-то погорячее?

Детектив потянулся к рации, но его рука застыла. Он почувствовал, как непреодолимое желание зайти внутрь, забыть обо всем и просто сделать один глоток, заполнило его разум, вытесняя всякий страх.

«Багровая Камелия» снова открылась. И в этот раз она была голодна как никогда.

6

Цена забвения

Маркус стоял перед дверью, которая не должна была существовать. Влажный воздух, наполненный ароматом горьких зерен и чем-то приторно-сладким, забивал легкие. Детектив не мог отвести глаз от Тадаса. Взгляд парня был пуст, как выжженная земля, но в глубине его зрачков плясали багровые искры — отсветы той самой реальности, что медленно пожирала город.

— Входи, Маркус, — голос Тадаса прозвучал сухо, словно шелест сухой листвы. — Кофе почти готов.

Маркус сделал шаг. Его рассудок, годами натренированный на поиск логики в преступлениях, отчаянно сопротивлялся. Он вспомнил лицо своей пропавшей дочери — она исчезла пять лет назад, и последним местом, где видели ее машину, был этот самый заброшенный промышленный квартал. Внезапно он осознал: «Багровая Камелия» не была местом преступления. Она была *ловушкой*, разложенной во времени.

Когда детектив переступил порог, звук дождя мгновенно исчез, сменившись давящей, пульсирующей тишиной. Интерьер кофейни преобразился. Стены теперь не были кирпичными — они казались обтянутыми кожей, по которой пробежали едва заметные волны. За стойкой, в глубине теней, проявился силуэт Элизы. Она не стояла, она словно вырастала из пола, ее длинные пальцы перебирали ряды фарфоровых чашек, каждая из которых была украшена инициалами тех, кто исчез в этих стенах.

— Ты принес нам подарок, Тадас, — пропела Элиза. Ее голос был похож на скрежет металла по стеклу. — Скорбящий отец... Какой изысканный ингредиент для нашего нового сорта.

Маркус потянулся к кобуре, но его пальцы не слушались. Вместо холодного металла он нащупал на поясе горячую, пульсирующую керамическую чашку. Он не понимал, как она там оказалась, но ощущение тепла было настолько одурманивающим, что страх начал отступать, сменяясь липкой, болезненной апатией.

— Не пей, — прошептал Тадас, хотя его лицо оставалось бесстрастным. Его рука, державшая кофейник, мелко дрожала.

Элиза метнула на него гневный взгляд. Тени в углах зала вытянулись, превращаясь в когтистые лапы.

— Он не имеет права выбора, — отрезала она. — Он пришел сюда, чтобы утолить свою тоску. Маркус, ты же хочешь увидеть её, правда? Хочешь еще раз услышать её смех?

В чашке, которую Маркус держал в руках, кофе начал менять цвет. Из черного он превратился в прозрачно-золотистый, и в его глубине детектив увидел лицо своей дочери. Она улыбалась, протягивая к нему руки. Реальность вокруг Маркуса начала распадаться на куски — полицейский участок, отчеты о пропавших, бесконечные допросы — всё это казалось бессмысленным серым шумом.

— Всего один глоток, — шептала Элиза, приближаясь к нему. — И боль исчезнет. Ты станешь частью этого аромата навсегда.

Маркус поднес чашку к губам. Его зрачки расширились, заняв почти всю радужку. Тадас смотрел на него, и в этот момент в его сознании вспыхнула искра — та самая, что осталась от его прежнего, настоящего «я». Он понял, что Элиза питается не только их телами, но и их памятью. Если Маркус выпьет, он станет очередным «отголоском», и тайна «Камелии» будет похоронена навсегда.

Тадас сделал движение, которое было быстрее мысли. Он перевернул тяжелый медный поднос со всеми чашками, стоявшими на стойке. Грохот падающего металла прозвучал как

выстрел в тишине кофейни. Стены дрогнули, с потолка посыпалась черная пыль, а иллюзия с лицом дочери в чашке Маркуса пошла рябью и исчезла.

— Беги! — закричал Тадас, его голос сорвался на крик. — Она здесь только пока ты веришь, что она здесь!

Элиза издала пронзительный визг, и свет в кофейне вспыхнул ослепительным багровым пламенем. Маркус, очнувшись от дурмана, рванулся к выходу, но дверь больше не вела на улицу. Она вела в бесконечный лабиринт из пустых, заброшенных кофейных лавок, теряющихся в ночи.

7

Эхо последней чашки

Лабиринт не был материальным; это была бесконечная череда отражений, где каждый дверной проем вел в другую версию «Багровой Камелии». В одной комнате время застыло в викторианской эпохе, в другой — кофейня превратилась в футуристический стальной склеп, где вместо кофе подавали густую, светящуюся субстанцию.

Маркус тяжело дышал, прислонившись к стене, которая на ощупь напоминала холодную, влажную плоть. Тадас шел рядом, его шаги были неестественно бесшумными.

— Она не отпустит нас, пока мы не допьем, — прошептал Тадас. Он поднял руку: на его ладони пульсировал багровый символ, напоминающий цветок камелии. — Мы — ее топливо, Маркус. Мы — часть рецепта, который она варит уже столетиями.

Детектив сжал кулак. В его сознании все еще всплывали образы дочери, но теперь они были искажены — ее лицо превращалось в кофейную пену, а голос звучал как бульканье кипятка. Он понял: чтобы выжить, нужно не сопротивляться, а изменить правила игры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.